

Дмитрий Владимирович ГРЯЗНЫХ —
доцент Тюменского юридического
института МВД

Людмила Григорьевна СУВОРОВА —
доцент кафедры философии
Тюменского госуниверситета

УДК 101

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФСКАЯ СПЕКУЛЯЦИЯ?

АННОТАЦИЯ. В данной статье излагается специфика философского спекулятивного мышления. Спекуляция рассматривается как суть философствования, как тождество рефлексии и созерцания, как отражение сверхчувственного образа предмета и единение противоположного, как нечто разумное, связанное с языком и находящееся по ту сторону рассудка.

The authors contemplate upon the specificity of philosophic speculative thinking. Speculation is considered to be the essence of philosophizing, the identity of reflection and contemplation as well as the reflection of the super-sensual essence of an object, the unity of opposites, as something sensible, connected with the language which exists somewhere beyond human mind.

«Всегда и сегодня необходимо совершать работу философского ремесла: разворачивать категории и методы, структурировать наше основное знание — ориентироваться в космосе наук — усваивать философию истории — упражняться в спекулятивном мышлении метафизики...».

К. Ясперс [1, с. 500]

Суть философствования следует видеть в том, чтобы внутренне весомое содержание мысли приобретало спекулятивную форму. Спекулятивное мышление предполагает умение двигаться в абстрактных мыслях для себя, без чувственного материала; способность оторваться от поверхностного расширения знаний, перейти от накопления фактов к свободному и самостоятельному развитию предмета. Если не предпосылается спекулятивная идея, то философствование становится не чем иным, как рассказом о случайных, праздных мнениях. Спекулятивное состоит обычно не в чем ином, как в приведении в известный порядок мыслей, идей, которые и так уже есть у человека. Жизненный корень спекуляции образует всепроникающая логосность философской мысли, имманентно соединенная с рефлексией идеальности сущего. Спекулятивный разум вдохновляет мысль философа на решение вечных, предельных, безусловных проблем.

Понятие «спекулятивное» выражает отношение отражения. Как отмечает Х.-Г. Гадамер, «отражаться друг в друге — значит все время меняться местами» [2, с. 538]. Отражение лишено бытия-для-себя, оно подобно «явлению», которое не есть сама вещь и которое тем не менее позволяет «явиться» отраженным самому виду вещи. И хотя отражение подобно удвоению, существование остается одним. Диалектика отражения заключается именно в неуловимости чистой передачи, в неустойчивости образа.

Спекулятивное означает противоположность догматизму обыденного опыта. Согласно Х.-Г. Гадамеру, спекулятивен тот, кто не отдается фактам с их непосредственной убедительностью или жесткой, неизменной определенностью смысла, но способен к рефлексии. Говоря по-гегелевски, спекулятивен тот, кто познает «в-себе» как некое «для-меня». И мысль является спекулятивной, если высказываемое в ней

отношение не позволяет мыслить себя как однозначное присоединение некоего определения к некоему субъекту, некоего свойства к некоей уже данной вещи, но должно быть мыслимо как отношение отражения, в котором само отражающее есть чистое явление отражаемого.

Описывая спекулятивное отношение мышления в своем анализе логики философского предложения, Гегель показывает, что философское предложение лишь по форме является суждением, т. е. придает предикат некоему субъекту. Философское утверждение не переходит от понятия-субъекта к другому понятию, но высказывает в форме предиката истину субъекта. Тезис «Бог – един» не означает, что это некое свойство Бога: быть единым, — но что сущность Бога в том, чтобы быть единством. Развитие суждения не поставлено на твердую основу. Субъект не определяется в одном отношении так, а в другом иначе. Это способ мышления в представлениях. Напротив, в понятийном мышлении естественное движение определения задерживается в своем течении и «испытывает, так сказать, ответный удар. Начиная с субъекта, как если бы последний все еще служил основанием, оно видит (поскольку скорее предикат есть субстанция), что субъект перешел в предикат и тем самым снят; и поскольку, таким образом, то, что кажется предикатом, стало цельной и самостоятельной массой, мышление не может свободно блуждать, а задерживается этой тяжестью» [3, с. 33]. Спекулятивное предположение не высказывает что-то о чем-то, но дает выражение единству понятий.

Непривычная задержка, которую испытывает мышление, когда некое положение самим своим содержанием вынуждает его отказаться от обычного отношения знания, образует в действительности спекулятивную сущность всей философии. Гегель в своей истории философии показывает, что философия с самого начала является спекуляцией. Когда она оперирует жесткими представлениями о мире, она изменяет своей сущности и занимается односторонним рассудочным рассмотрением предметов разума [2, с. 539].

Философское знание отличается по своему характеру от того знания, к которому мы привыкли в обыденной жизни, и от того знания, которое господствует в науках. В философии важны иные критерии научной строгости. Философская система — это не дедуктивная система, что, однако, надо заметить, не делает философию менее совершенной наукой, чем, например, математика. Просто идеал математики и совершенство философии измеряются разными мерами, что не всегда отчетливо осознается.

В чем же состоит когнитивное значение спекулятивного мышления? Определяя спекулятивное умозрение как «тип концептуального знания, которое выводится без обращения к опыту, к фактам, только при помощи рефлексии, т. е. направляя мышление на осмысление собственных форм путем рассмотрения самого знания как такового» [4, с. 187], В. П. Кохановский выделяет два вида философских спекуляций: натурфилософия и философия истории. Исследователь отмечает, что, несмотря на умозрительный характер, и философия природы, и философия истории смогли выдвинуть ряд продуктивных принципов и учений. И действительно, философские спекуляции в натурфилософии позволили разработать атомистику (Левкипп, Демокрит и др.), идеи развития и «полярности», принцип целостности природы (Шеллинг, Гегель), единства материи, движения, пространства и времени (Гегель), иерархии форм движения материи (Гегель) и ряд других. Несмотря на умозрительность и схематизм, представители философии истории смогли сформулировать целый ряд рациональных идей, не потерявших своего значения по сей день. Среди них – идеи о закономерном ходе истории как процессе, о прогрессе в истории и его критериях, о единстве исторического процесса и многообразии его форм, о взаимосвязи свободы и необходимости и др. Были сформулированы «зачатки» материалистического понимания истории и показана необходимость исторического, диалектического подхода к ее исследованию.

Таким образом, важно подчеркнуть, что понятие спекуляции относится к бытию, а поэтому представлять себе спекулятивные выводы существующими лишь в мысли человека совершенно неправильно. Они существуют также и действительно, но естествоиспытатели лишают себя возможности видеть их вследствие ограниченности понятия. Спекулятивное сознание движется и развивается в сторону объективности и всеобщности.

Философия как спекулятивное знание находит в диалектике высшую форму усмотрения истины, причем логической формой организации философского знания выступает система понятий. Нужно различать понятие в спекулятивном смысле и просто понятие. В отличие от только понятия, которое фиксирует форму и замыкается в ней, спекулятивное понятие осуществляет себя на уровне содержания, образующего тотальность и целостность. В этом смысле философская спекуляция означает, что все то, что кажется ограниченным, взятое самостоятельно, получает свою ценность в силу того, что оно принадлежит целому и составляет момент идеи.

Гегель утверждает, что «спекулятивное знание должно быть понято как тождество рефлексии и созерцания» [5, с. 169]. В философском знании созерцание есть результат деятельности интеллекта и природы, сознания и бессознательного одновременно. Оно принадлежит двум мирам, идеальному и реальному: идеальному, будучи положенным в интеллекте; реальному, получая свое место в объективной тотальности. Без трансцендентального созерцания невозможно философствование. Что означает философствовать без созерцания? Это значит раствориться бесконечно в абсолютных конечностях.

Во введении к «Науке логики» Гегель пишет, что созерцание состоит в «постижении противоположного в его единстве». Из такой характеристики созерцания следует, что в спекуляции важно, прежде всего, и всегда – схватывание противоположного как такового. Сюда входит схватывание взаимного отсвечивания противоположностей друг в друге, в качестве чего выступает антитезис, действие которого изображено в логике рефлексии. От этого самоотнесенного, саморефлектирующего отсвечивания, то есть зеркального отражения, спекуляция получает свое определение. Так понятая спекуляция есть позитивное целое того, что должна здесь означать «диалектика»: вовсе не трансцендентальный, критически ограничивающий или тем более полемический способ мысли, но зеркальное отражение и единение противоположного.

«В постижении противоположностей в их единстве, или, иначе говоря, в постижении положительного в отрицательном состоит спекулятивное. Это важнейшая, но для еще неискусенной, несвободной способности мышления труднейшая сторона» [6, с. 110]. Там, где нет спекулятивного интереса, все распадается на внешние друг другу вещи. Обнаружение противоречия в конечном является существенным пунктом спекулятивного философского метода [7, с. 142].

Многие слова имеют ту особенность, что обладают не только различными, но и противоположными значениями, так что спекулятивные потенции оказываются связанными с природой нашего языка. «Мышление может только радовать, — отмечает Гегель, — когда оно неожиданно сталкивается с такого рода словами и обнаруживает, что соединение противоположностей — результат спекуляции, который для рассудка представляет собой бессмыслицу, — наивно выражено уже лексически в виде *одного* слова, имеющего противоположные значения» [6, с. 82–83].

Однако язык несет в себе нечто спекулятивное — не только в гегелевском смысле, но как осуществление смысла, как свершение речи, взаимопонимания и понимания, отмечает Х.-Г. Гадамер [2, с. 541–542]. Спекулятивен этот процесс потому, что возможности слова подчинены смыслу как направленности в бесконечное. Тот, кто говорит, спекулятивен постольку, поскольку его слова не отображают сущее, но выражают и позволяют обрести язык по отношению к целостности бытия. Уже в повседневнейшем процессе речения мы находим, следовательно, существенную черту спекулятивного отражения: неуловимость того, что является, однако, чистейшей передачей смысла.

Спекулятивное — это то, что находится по ту сторону рассудка, превышает его и возвышается над ним. «Спекулятивное есть вообще не что иное, как разумное (а именно положительно-разумное), поскольку оно мыслится» [8, с. 211]. На спекулятивном, или положительно-диалектическом, разумном уровне возникает отождествление противоположностей. Спекулятивный разум сочетает противоположности в их высшем единстве. Он обеспечивает снятие включенных в логику рассудочных категорий категориями разумными. Только на спекулятивном уровне диалектика достигает высшей зрелости. «Разум» Гегеля — это уже не диалектический «разум» Канта, который был вынужден покориться рассудку. Ибо у Канта чувственный материал, многообразное, данное в созерцании, слишком властвовали над ним, чтобы он мог отделаться от них и «перейти к рассмотрению понятий и категорий в себе и для себя и к спекулятивному философствованию» [9, с. 28].

В определенном смысле, спекулятивное мышление подобно мистическому созерцанию. Мистическое, поясняет Гегель, есть нечто таинственное, но оно таинственно лишь для рассудка, поскольку принципом рассудка является абстрактное тождество, а принципом мистического созерцания как синонима спекулятивного мышления — конкретное единство тех определений, которые рассудок признает истинными лишь в их противоположности и раздельности.

А. И. Герцен, восторженно воспринявший спекулятивную философию Гегеля, отмечает, что рассудком не выйдешь из логических кругов, «так как рассудком никогда не поймешь жизнь органическую, ибо жизнь сама в себе, *an sich*, спекулятивна» [10, с. 469]. Рассудочная истина, добавляет он, формально до окончательности ясна, но плоска, и истинного примирения в ней нет.

Гегель выделяет вопрос об отношении спекуляции к здравому смыслу. Здравый рассудок не понимает дела спекуляции. Последняя признает в качестве реальности познания только бытие в тотальности: все определенное обладает реальностью и истиной в познанном отношении к абсолютному. Здравый человеческий рассудок не в силах понять, каким образом то, что для него является непосредственно очевидным, становится одновременно для философии ничем. «Но здравый рассудок, — отмечает Гегель, — не только не понимает спекуляции, но, познав ее, должен возненавидеть ее, а в случае, если он не обретает полной индифферентной безопасности, то испытывать отвращение к ней и преследовать ее» [5, с. 161]. Отношение, или связь, ограниченности с абсолютным, при котором в сознании наличествует лишь противоположность, а относительно тождества существует полное отсутствие сознания, называется верой. Спекуляция объединяет разделенное в вере, и это является для рассудка ужасным, т. к. божественное существует в его сознании только в качестве объекта, то в снятой противоположности, в тождестве, доведенном до сознания, он видит только разрушение божественного. «Но в данном случае спекуляция в качестве философии сняла противоположность, но в качестве системы возвысила до абсолютного ограниченное в его обычной, известной форме» [5, с. 162].

Рассудок, который Гегель обвиняет в приверженности духу обособления, отчуждения, начинает с ненавистью нападать на разум. Рассудок не только не понимает устремления спекулятивного разума к целостности, но это устремление рассудку представляется источником непрочности. Философия как тотальность знания, продуцируемого рефлексией, становится системой, высшим законом которой является не рассудок, а разум.

Спекуляция и диалектика как состояния предметной мысли качественно различны. Однако диалектика подготавливает спекуляцию. Диалектическое противоречие не только может примириться, но не может не воссоединиться. «Негация негации» порождает новый синтез, она дает творческий результат. Поэтому Гегель называет вторую «негацию» совершенной, конкретной, абсолютной негацией. Она совершенна потому, что приводит понятие в совершенное состояние. Спекулятивное состоит

именно в том, чтобы постигать «противоположное в его единстве, или позитивное в негативном». Она конкретна потому, что через нее возникает «конкретизация», то есть сращение противоположных сторон, стоявших доселе во вражде и в отвлечении. Понятие «раздваивается» потому, что из глубины его возникает новое, скрытое ранее, содержание, которое обособляется и отрицает притязание первого на завершенность и исключительность. Самое отвержение осмысливается как условие и орудие истинного притяжения. Возникает спекулятивный симбиоз. Гегель выражает это так, что в диалектическом процессе каждое определение сохраняется в меру своей истинности. Все реальное, подчеркивает Гегель, подлежит закону спекулятивной конкретности. Конкретно то, что особым образом «сращено», возникнув из двойственности. Понятие является тем более конкретным, чем полнее его содержание. Таким образом, конкретизация состоит в том, что противоположность возвращается в свою основу и что зрелое, проникновенное единство сторон творится самой основой, исполненной нового содержания. Диалектика уступает свое место спекулятивной конкретности с того момента, как обнаруживается мнимость взаимоисключения сторон и утверждается их взаимопринадлежность.

Диалектика спекулятивна в том смысле, что она собирает целое субъективности в ее развернутое единство, в котором эта субъективность срастается и конкретизируется. Ибо быть спекулятивным означает созерцать, схватить, понять. Гегель также именуется спекулятивную диалектику просто методом. Метод есть интимнейшее движение субъективности, «душа бытия», процесс продуцирования, посредством которого сплетается ткань действительности абсолюта в ее целостности. «Метод — «душа бытия», — отмечает Хайдеггер, — это звучит фантастически. Считается, что наш век оставил подобные спекулятивные завихрения позади. Но мы живем как раз внутри этой якобы фантастики» [11, с. 383].

Согласно интерпретации И. А. Ильина, философия Гегеля не может быть понята одной только мыслью. «Ибо спекулятивное мышление есть не просто абстрактное мышление, а нечто большее: мышление, своеобразно сочетавшееся с созерцанием... Это непосредственное слияние созерцающей мысли с предметом и явилось для философии Гегеля источником величайшей силы...» [12, с. 40–41]. Такие компоненты мысли, как ее сверхчувственность, определенность и устойчивость сохраняются и в спекулятивной философии. Для последней характерно некоторое «схождение» сознания с предметом, причем такое схождение, в котором сошедшиеся сливаются воедино, слагаясь в новое мыслительно-созерцательное образование. Это тождество субъекта и объекта выражает сущность истинной философской спекуляции. Спекуляция требует «уничтожения» сознания как конечного и субъективного. Сознание становится объективным сознанием: оно живет в объекте. «Сознавать предмет» означает «мыслить предмет». Мыслимый же предмет, предмет мысли есть смысл. Тождество субъекта и объекта, или сознания и предмета, есть слияние мышления и смысла. Сущность спекулятивной мысли состоит в отказе от разрыва и в исповедании неразличимого единства мышления и смысла.

И. А. Ильин воспроизводит в образах, иллюстрирует процесс спекулятивного мышления. «Самозабвенно погруженной в предмет мысли, — пишет он, — открывается некоторый смысл; кроме этого смысла ничего нет, есть только он один; в нем обнаруживается изменение; еще изменение; еще изменение; смысл, подобно растению или животному, оставаясь все тем же самым, меняется и, в изменении своем, обнаруживает известную закономерность. Все это совершается в понятии, объективном, сверхвременном; не в душе, мыслящей о понятии, а в самом понятии, в самом смысле. Наука рассказывает в точных и адекватных словах о том, как меняется понятие; и в этом все» [12, с. 57–58]. Мышление есть «сверхчувственное внутреннее созерцание». Философия, мысля предметы, видит их; она мыслит их как бы воочию. Спекулятивная мысль имеет перед собой в форме понятия «сверхчувственный» об-

раз предмета. Этот образ присутствует в мысли, незримо зримый оку воображения. Для того чтобы понять Гегеля, необходимо сделать в душе некое творческое усилие, насыщающее мысль работой воображения: надо увидеть воображением то, о чем мыслит душа. Такое видение предполагает эстетизацию мысленного процесса. Только при соблюдении этого условия, считает русский философ, философствование Гегеля откроет не только свою рационалистическую сторону, обращенную смыслу, но и свой иррационалистический аспект, сближающий его с философами-романтиками. Тогда только его философствование предстанет в своем истинном характере мыслящего ясновидения.

Уход сознания в предмет есть не эмпирическое, но метафизическое событие. Понятие одарено самосознанием и самодеятельностью. Сознание не погибает в предмете, но обогащается его содержанием. Имея возможность жить духом, спекулятивная мысль дает душе счастье самоотречения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
2. См.: Гадамер Х. -Г. Истина и метод. М., 1988.
3. Гегель. Феноменология духа // Собр. соч. Т. IV.
4. Кохановский В. П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999.
5. Гегель. Различие между системами философии Фихте и Шеллинга... // Кантовский сборник. Вып. 13. Калининград, 1988.
6. Гегель. Наука логики. Т. 1. М., 1970.
7. См.: Пушкин В. Г. Философия Гегеля: абсолютное в человеке. СПб., 2000.
8. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974.
9. Гегель. Наука логики. Т. 3. М., 1972.
10. Герцен А. И. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1986.
11. Хайдеггер М. Гегель и греки // Время и бытие. М., 1993.
12. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: В 2 т. Т. 1. М., 1918.

*Вадим Авенирович КОНДАКОВ —
доцент кафедры философии
Тюменского государственного
нефтегазового университета,
кандидат философских наук*

УДК 130.1

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ КОНЦА XIX– СЕРЕДИНЫ XX ВВ.

(Философско-социологический анализ)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию пессимистических и оптимистических взглядов на проблемы техники в русской философии. Рассматривается их методологическое значение для анализа современной техносферы, диалектики техники и природы, техники духовной жизни современного российского общества.*